

ОТЗЫВ

официального оппонента доктора исторических наук

Герд Лоры Александровны на диссертацию

Мельниковой Любови Владимировны

«Русская Православная Церковь и войны Российской империи в XIX

веке», представленную на соискание ученой степени доктора

исторических наук

по специальности 07.00.02 – «Отечественная история»

Диссертация Л. В. Мельниковой является комплексным исследованием, задачей которого является собрать воедино всю совокупность знаний об отношении Российской имперской идеологии к войне, проследить осуществление этой идеологии в практике конкретных военно-политических конфликтов XIX в. и роль Русской церкви как в мирное, так и в военное время. Актуальность темы, о чем говорит и сама соискатель (с. 6), очевидна. Во вводной части диссертант подчеркивает, что в основу ее исследования положен принцип научной объективности, который «требует отказа от идеологической ангажированности и проведения непредвзятого анализа всей полноты источников, независимо от их соответствия или несоответствия его научной концепции» (с. 43).

После вводной главы, по традиции посвященной обзору литературы вопроса (с. 5-54), Л. В. Мельникова переходит к общетеоретической части, в которой представляет отношение Церкви к войне и к воинской службе (глава 1.1, с. 55-70). Диссертант идет здесь проторенной дорогой, приводя цитаты из Нового Завета, в которых не осуждается воинское звание, и затем переходит к обзору церковных канонов, в которых духовенству запрещается

участвовать в военных действиях. Признавая войну за зло, Церковь, по словам диссертанта, считала войны неизбежными, а христианских воинов—борцами за правду, их подвиг «проявлением любви». Обращает на себя внимание, что в ряд цитат из Священного Писания, в которых говорится об отношении к войне и воинам, Л. В. Мельникова неожиданно вставляет пассаж из такого политически окрашенного философа, как И. А. Ильин, известного проповедника «сопротивления злу насилием» (с. 56-57). Именно его мнение почему-то выставляется вперед, опережая отцов Церкви, или даже церковного историка А. В. Карташева, взгляды которого гораздо более умеренны. Опираясь на работы своих предшественников, диссертант совершенно правильно отмечает, что в Византии не было выработано понятие священной войны, которое было характерно уже для идеологии Руси. Вообще Церковь на протяжении 2000 лет упорно и не всегда успешно пыталась разрешить противоречие между заповедью «не убий», евангельскими словами о недопустимости причинять зло ближнему--с одной стороны, и действительностью, в которой войны христианских правителей ничем не уступали в жестокости войнам язычников—с другой. Понятие «священной войны», которое нашло свое развитие на Западе в Крестовых походах, а на Востоке в войнах с персами, сельджуками или османами, --это довольно неуклюжая попытка решения апории. Кстати сказать, культ византийского императора-священника, который, как глава истинно христианского воинства поражает неверных, напрямую восходит не к Новому, а к Ветхому Завету и имеет прообразом израильских царей-Божиих помазанников.¹ Не было достигнуто особого успеха и в решении противоречия между каноническим запретом духовным лицам носить оружие и реальностью, когда клирики принимали участие в сражениях. Опять-таки на Западе с благословения Церкви воины-крестоносцы часто бывали монахами, а вот на Востоке они довольно непоследовательно то запрещались в служении (согласно канонам), то, напротив, признавались

¹ Дагрон Ж. Император и священник. СПб., 2010; Успенский Б. А. Царь и патриарх. Харизма власти в России: византийская модель и ее русское переосмысление. М., 1998.

святыми и героями (вспомним Пересвета и Ослябя, или многочисленных балканских клириков-воинов за национальную независимость в XIX в.). Следуя патриотической историографии XIX в., Л. В. Мельникова говорит о том, что сражения приурочивались к какому-нибудь церковному празднику. Очевидно, здесь в ряде случаев мы имеем дело с позднейшим осмыслением событий в духе господствующей идеологии. Также без дополнительного комментария автором вписываются в общую «гладкую» благочестивую канву повествования такие факты, как почитание Знаменской иконы Богоматери, или введение праздника Покрова. История праздника Покрова имеет много различных версий, по-разному объясняющих его происхождение, исчезновение из византийских святцев и появление на Руси —хотелось бы видеть здесь хотя бы ссылку на литературу вопроса.

Второй и третий параграфы первой главы (сс. 70-96) посвящены положению духовенства в русской армии и флоте в имперский период и представляют собой добросовестный обзор административной структуры военного духовенства в общей системе институций государства. Справедливо отмечается положительная роль, которую играли военные священники в деле подъема духа российской армии, моральной и нравственной поддержки солдат в военное время.

Наиболее ценным вкладом в историческую науку являются следующие главы диссертации, в которых рассмотрена роль Церкви в трех крупных военных кампаниях XIX в.—Отечественной войне 1812 г., Крымской войне 1853-56 гг. и русско-турецкой войне 1877-78 гг. Следует сразу заметить, что эти три войны, во многом определившие историю России XIX в., были очень разными по типу. Отечественная война 1812 г. была войной оборонительной и «священной» не в религиозном, а в патриотическом смысле. Две другие войны следует рассматривать в контексте борьбы великих держав за османское наследство: война 1853-56 гг. стала патриотической и оборонительной только во второй своей части, в ходе военных действий в

Крым, а Балканская война целиком велась на иностранной территории, т.е. термин «священная война» здесь будет иметь совершенно другой смысл. Вторая глава диссертации (с. 97-258) повествует о войне России против наполеоновской Франции 1812-1814 гг. Весьма интересным и оригинальным является раздел, в котором автор анализирует методы антифранцузской пропаганды начала XIX в. Сравнение Наполеона с антихристом, постоянное подчеркивание богоотступничества Франции способствовали укреплению идеи священной войны в сознании русского народа. Вместе с тем христианские образы в литературе того времени соседствовали с использованием античных параллелей и приемов драмы эпохи классицизма для образованных классов и сатирических произведений в духе прибауток для низших сословий.

Разорение наполеоновской армией церквей в России, а также материальная помощь Церкви и сбор пожертвований для армии, организованный в епархиях в ходе Отечественной войны—эти две темы проработаны диссертантом особенно тщательно. На основании многочисленных архивных документов, опубликованных источников Л. В. Мельникова представляет масштабную картину всенародного подъема против захватчиков. Важным наблюдением является отождествление понятий «русский» и «православный» в годы войны,—автор приводит пример, когда крестьянам, которые подносили хлеб-соль французам, священник в целовании креста со словами «вы не русские» (с. 139). Подобное отождествление нередко случалось не только в России, но и на Балканах как раз в периоды войн или борьбы с иноверным врагом, и особенно характерно для эпохи национализма второй половины XIX в. Впечатляют картины разорения храмов России наполеоновской армией, ярко и аргументированно представленные диссертантом. Только в Смоленской губернии было уничтожено около половины церквей, массовому разграблению и осквернению подверглись святыни в Москве. Не менее убедительно показана автором диссертации

сложная ситуация в западных губерниях, деятельность там польско-литовской знати и поведение духовенства, которое иногда добровольно, и иногда и принудительно должно было принести присягу на верность Наполеону. Особенно интересно детальное исследование касательно измены могилевского архиепископа Варлаама и тех мотивов, которыми он руководствовался, внося имя Наполеона в литургическое поминовение. Немалое внимание уделено заграничным походам русской армии в 1813-1814 гг. и образу Александра I как православного царя-освободителя Европы. Отдельной заслугой диссертанта является исследование церковных памятников Отечественной войны 1812 г. (которых ей удалось выявить 49), с анализом истории их создания, символики и архитектурных особенностей (с. 210-251).

Интересно было бы проследить отношение русских публицистов к французским эмигрантам-роялистам, участвовавшим в антинаполеоновских кампаниях. Одни из них (как, например, Александр Ланжерон) окончательно перешли на русскую службу и впоследствии окончили свою жизнь в России, однако другие после реставрации вернулись на родину и даже принимали активное участие в политике и общественной жизни. Ощущается некоторый недостаток использования мемуаров французов-участников русской кампании. Л. В. Мельникова лишь отчасти коснулась этого пласта источников; между тем более внимательное их изучение позволило бы, вероятно, несколько уточнить представление о тотальном безбожии всех французов и внести интересные нюансы в восприятие православной страны католиком того времени.

Отдельной главой диссертации могла бы стать роль России и Русской Церкви в греческой революции. Отказ Александра I поддержать греческое восстание обусловил не только преобладание английского влияния в Греческом королевстве в течение всего XIX века, но и сильно подорвал его авторитет

как покровителя православия в глазах греков. Вместе с тем до сих пор малоизвестной остается та широкомасштабная финансовая материальная помощь греческим беженцам в Одессе и Кишиневе, которая осуществлялась при посредстве гражданских властей и Церкви. Император лично оказался в числе первых жертвователей.

Следующая большая глава посвящена Крымской войне—ее предыстории, ходу действий и участию Церкви и клира, а также ее последствиям (с. 259-502). После беглого представления темы «Третьего Рима» в русской политике и участия России в восточном вопросе в первой половине XIX в. диссертант переходит к конкретным событиям. На основании отечественной литературы и выборочно использованных архивных источников Л. В. Мельникова представляет предысторию войны—сложное сплетение конфликтов между интересами России, Франции, Англии, греческого святогробского духовенства и католических миссионеров, а также османского правительства. Эта история получила достаточно полное и всестороннее освещение в исторической литературе, потому задача диссертанта заключалась главным образом в расстановке акцентов применительно к своей теме. Л. В. Мельниковой удалось внести целый ряд уточнений, касающихся деталей конфликта вокруг Вифлеемской базилики и пещеры Рождества и исправить ошибки своих предшественников. Диссертант считает, что исследователи слишком категоричны в оценке действий Николая I как агрессивных и наступательных. Несмотря на сложное переплетение причин, приведших к началу войны, в глазах русского народа она была войной в защиту православия против «безбожного Запада» и турок. В диссертации убедительно показано, что католическое духовенство и государственная пропаганда представила войну равным образом священной и для Франции. Далее на страницах диссертации Л. В. Мельникова детально представляет позицию русских иерархов в ходе военных событий, участие духовенства, в частности монахов Балаклавского монастыря, деятельность

Крестовоздвиженской общины сестер милосердия, оборону Соловецкого монастыря. Интересно, что богослужения в Георгиевском монастыре посещались не только русскими, но и неприятельскими военными, и каждый молился о победе своего оружия. Эти сюжеты уже были предметом многочисленных исследований предыдущих лет и автор, бесспорно, является глубоким знатоком данной темы. Отдельное внимание уделено диссертантом настоятелям русских посольских церквей Парижа и Лондона в годы Крымской войны; почему-то молчанием обойден настоятель посольской церкви в Афинах, архимандрит Антонин Капустин, многие страницы дневника которого посвящены войне и ее восприятию в греческом мире. Не вполне понятным остается отсутствие ссылок на богатую и разнообразную библиографию предыстории Крымской войны: в подстрочных сносках можно было бы оставить и краткие комментарии к тому или иному «витку» конфликта, сопоставить позиции авторов. Недостаточное внимание к библиографии привело к небрежностям в оценке предыстории восточного вопроса. Так, например, диссертант утверждает, что седьмая статья Кучук-Кайнарджийского договора была неоднократно подтверждена в последующих трактатах с Турцией. Известно, что эта статья по умолчанию была *de facto* воспринята на международном уровне как покровительство *всем* православным христианам Османской империи (чего не говорится буквально в тексте договора). Подтверждение ее в трактатах с Турцией очевидно нуждается в дополнительной аргументации.

Третий раздел диссертации посвящен Русско-турецкой войне 1877-78 гг. (с. 503-728) Автор вполне резонно начинает с предыстории вопроса и обстоятельно повествует о греко-болгарских национально-церковных противоречиях, переросших в крупный политический конфликт и приведших к церковному расколу. В своем изложении Л. В. Мельникова несколько сглаживает различие в позициях по болгарскому вопросу митрополита Филарета (Дроздова) и Н. П. Игнатьева. На самом деле Филарет равным

образом критически относился к упорству греков и к освободительным тенденциям болгар, в то время как Игнатиев, застав в 1864 г. уже последний этап развития вопроса, вскоре взял курс на создание болгарской церковной автокефалии. Диссертант уделяет внимание и прогрессивному направлению в русской общественной мысли 1870-х годов. Следует отметить, что подобные настроения были свойственны не только публицистам Т. И. Филиппову и К. Н. Леонтьеву, но и такому «столпу» церковной политики, как обер-прокурор Св. Синода А. П. Толстой. Дело Пантелеймонова монастыря на Афоне, подробно представленное на страницах автором (с. 529-532), строго говоря, выходит за пределы темы диссертации, хотя его успех, несомненно, способствовал укреплению политических позиций России в Османской империи и, вместе с тем, обострению национальных противоречий на Балканах. Говоря о Кукушской унии (с. 509-510), диссертант упустила из виду важную причину ее неудачи: с помощью дипломатической хитрости русскому посольству удалось обезглавить движение, депортировав в Россию епископа Иосифа Сокольского. К сожалению, не использованными остались две фундаментальные монографии по греко-болгарскому вопросу: патриарха Кирилла Болгарского («Граф Игнатиев и българският църковен въпрос» (1958) и Веры Боневой («Българското църковнонационално движение» (2010).

После скрупулезного анализа деятельности славянских комитетов в преддверии войны (с. 533-565), Л. В. Мельникова обращается к обстановке на Балканах. Интересными, на фоне подъема прорусских настроений, представляются верноподданнические воззвания предстоятелей Греческой и Болгарской церквей. Впрочем, удивляться здесь особо не приходится: ведь патриархи, как главы миллетов, несли личную ответственность за законопослушность своей паствы. Примеров тому было немало, включая патриарха-мученика Григория V в 1821 г.

Не менее яркой является представленная диссертантом картина деятельности сестер милосердия и разнообразных дамских комитетов, Красного креста и других организаций, действовавших вместе с монахинями, монахами и священниками на пользу армии на Балканах (с. 587-620). Отдельный раздел посвящен судьбе русских монахов на Афоне и в афонских подворьях на материке (с. 641-647).

Деятельность русского духовенства в ходе военных кампаний удачно показана в свете биографий священников, основанных на архивных данных. Особую живость рассказу придают представленные в тексте диссертации отрывки из воспоминаний участников войны о контактах армии с болгарским населением. Здесь интересно было бы вспомнить и о встречах русской армии в селах, населенных болгарами мусульманами (помаками), которые также зафиксированы в воспоминаниях. Многочисленные случаи сослужения русских полковых священников с болгарским духовенством, которые вызвали официальный протест Константинопольского патриарха, и ответная реакция Св. Синода и российского МИД явились предметом отдельной главы диссертации (с. 687-699). Немалое внимание уделено автором также храмам-памятникам, возведенным после русско-турецкой войны, их подробному описанию и событиям, сопутствовавшим их освящению (с. 699-729). В этот раздел хотелось бы внести два маленьких дополнения: при храме на Шипке русская миссия планировала устроить семинарию, а собор Св. Александра Невского является одной из наиболее близких реплик Св. Софии Константинопольской, что вполне соответствует настроениям накануне Первой мировой войны.

В Заключение подводятся итоги диссертации. Автор еще раз подчеркивает, что Россия в осмыслении роли Церкви пошла дальше Византии, и выработала «новую идеологию «священной войны», согласно которой воинское служение считалось святым и праведным» (с. 730). Среди выводов из диссертации особо хочется отметить развитие мотива национальной

исключительности и особой мессианской миссии русского народа, что Л. В. Мельникова возводит к войне 1812 г. и ее осмыслению как войны священной. Этот тезис, имеющий колоссальное значение для русской национальной идеологии последующего столетия, заслуживает дальнейшей разработки. Завершает диссертацию внушительный список использованных архивных фондов, опубликованных источников и библиографии. В качестве приложения к работе приводится список священнослужителей, удостоившихся наград во время всех трех войн.

Диссертация Л. В. Мельниковой, несомненно, представляет собой фундаментальное и новаторское исследование, основанное на широком круге опубликованных и архивных источников. Удачным следует признать выбор основных сюжетных «осей» диссертации: рассматриваемые войны, при всей их разности по месту боевых действий, мотивам и обстоятельствам, объединяются общей характеристикой в государственной идеологии XIX в. и в народном сознании как войны «священные», что, в свою очередь, является благоприятной почвой для дальнейших теоретических построений. Автор проводит комплексный анализ источников, стараясь преодолеть тенденциозность каждого из них и дать им объективную оценку. Большой заслугой диссертанта является стремление показать «человеческое лицо» участников войны, войти в психологию действующих лиц, понять их мотивацию. Самая сильная сторона диссертации, на мой взгляд, состоит в привлечении гигантского объема документов и источников и поистине героической попытке написания сводной истории событий с точки зрения участия в них Русской Православной церкви. Эта задача диссертантом выполнена более чем успешно. Верно оценивает Л. В. Мельникова и те идеологические течения, на фоне которых подготавливались и разворачивались военные конфликты. Диссертация явилась итогом многолетнего кропотливого труда, результаты которого представлены на

страницах нескольких монографий и десятков статей, в докладах на конференциях.

Писать о военной истории трудно. Тем более о военной истории собственной страны. Прежде всего потому, что от историка ожидается повествование о славных подвигах предков, то есть заранее прописана парадигма глорификации прошлого. Такая задача стояла перед всеми летописцами и в Античности, и в Средние века, и особенно в эпоху создания национальных историографий. Победы прославлялись, не жалея эпитетов, врагам приписывались все возможные пороки, а поражения либо замалчивались, либо о них говорилось скупой и им находились извинения. Не избежала этой тенденции и русская историография XIX в.: любая попытка осветить военные события не только в русле славных побед русского оружия воспринималась как национальное предательство и покрывалась позором. Поэтому робкие голоса против войны можно было слышать только из уст писателей, то есть людей наименее ангажированных (вспомним В. М. Гаршина). Симпатию и сочувствие к русскому солдату высказывают и Лев Толстой, и К. М. Станюкович, и А. И. Куприн. Но мало кто осмеливался поднять голос против войны как явления. Советская историография расставила акценты по-своему, разделив войны на «захватнические», «империалистические», которые осуждались, и «национально-освободительные» и «справедливые», которые одобрялись. Российская историография последних десятилетий, особенно историография церковная, наряду с вполне серьезными объективными исследованиями, нередко страдает другой крайностью, увлекаясь благочестивой тенденциозностью во вполне средневековом вкусе, вплоть до замалчивания фактов и документов, которые противоречат заявленной концепции автора.

Надо сказать, что более трезвый взгляд на моральную сторону войн в XX в. первыми демонстрируют не профессиональные историки, а деятели

искусства—художники и писатели. Именно они уже в конце Первой мировой войны представляют облик войны как преступления, орудия гибели и однозначного зла. Они же будут первыми, кто осудит войну как явление после 1945 г.. Серьезные аналитические работы, свободные от ангажированности, среди историков ранее 1950-х годов—редкость. И только во второй половине XX века уже становится возможным давать более объективную оценку событий и идеологических рычагов, которые использовали руководители войн, провести сравнительный анализ и параллели между мотивами, которыми руководствовались правительства разных держав. Исследуется явление массовой психологии, методы управления массовым сознанием. Историки конца XX-XXI в. освобождаются, хотя и не сразу, от националистических пристрастий, от имперских стереотипов. Впервые исследуется понятие мифологизации истории, т. е. сознательного искажения прошлого в пользу создания некой идеальной картины, с целью подъема патриотических настроений или вдохновения в конкретной ситуации.

До сих пор нечасто на страницах популярных изданий можно встретить объективную историю Знаменской иконы Богоматери. Очевидно, что ее почитание связано с местным патриотизмом времен раздробленности, и уж никак не с общерусским патриотизмом, направленным против иностранного и иноверного врага и выработанным позднее (как, например, почитание Казанской иконы). Ведь у суздальцев так же, как и у новгородцев, была икона, с которой они шли в бой, и были они также русскими воинами. Или другой пример: православный (и прославленный в лике святых) воин Федор Ушаков. Он воюет с османским флотом при мысе Калиакра (1791 г.) и одерживает победу. А в 1799 г. в союзе с теми же турками он сражается с «безбожными» французами и берет Корфу, за что удостоивается адмиральского чина. Нередко вчерашний заклятый враг и нехристь в изменившихся политических условиях становится более-менее

благочестивым союзником. Задача современного историка, на наш взгляд, состоит не только в специальных исследованиях и заполнении лакун, но и в развенчивании мифов, и в популяризации истинных исторических знаний. Особенно опасным является перенесение военной романтики прошлого в современные условия, когда любая война грозит массовым уничтожением. Память об убиенных воинах и жертвах священна для каждого народа, но прославлению и сакрализации войны не должно быть места.

Л. В. Мельникова, на наш взгляд, в целом успешно прошла «между Сциллой и Харибдой»: отдавая должное героизму и самоотверженности предков, автор постаралась представить совокупность мотивов и политических обстоятельств, которыми руководствовались деятели XIX в. Главное принципиальное замечание к концепции диссертации заключается в том, что автор представляет равно «священными» Отечественную войну 1812 г., когда русские люди защищали свою Родину от иноземного захватчика и две последующие войны, которые были предприняты по совершенно иным мотивам и которые следует скорее рассматривать в контексте борьбы великих держав за османское наследство. Лишь на своем заключительном этапе Крымская война снова становится «священной» не в религиозном, а в патриотическом смысле. Вообще, на наш взгляд, следовало бы еще во введении уделить большее внимание термину «священный», который применительно к войне традиционно употребляется именно в светском и патриотическом контексте (например, когда речь идет о Великой Отечественной войне 1941-45 гг.).

Нередко в работе можно заметить следы «обаяния источника»: диссертант порой явно начинает смотреть глазами авторов XIX в. Это проскальзывает и в терминологии (например, «новоиспеченный французский император», с. 98), или в заявлении о том, что заключенные в Соловецком монастыре в результате проведенной с ними воспитательной работы «осознали свои

ошибки» (с.411). Без специального комментария оставлено вызывающее сомнения определение воинского служения как «подвига христианской любви», по-видимому, заимствованное из источников о войне 1877-78 гг. Вряд ли автор проводит четкую грань между восприятием святых и святынь как покровителей воинства в Средние века, в идеологии XIX в. и современными репликами из того и другого (глава 1 параграф 1). Вместе с тем, в отдельных случаях в тексте проскальзывает не вполне уместное употребление современной терминологии (например, понятие «национальная безопасность» (с. 731) вряд ли применимо к XIX в.). Некоторое недоумение вызывает также термин «цивилизационное противостояние» в применении к Крымской войне: он сразу напоминает о широко использовавшемся в эпоху колониальных захватов понятии «цивилизаторской миссии» европейских держав в отношении завоеванных народов, якобы находившихся на низком уровне культурного развития.

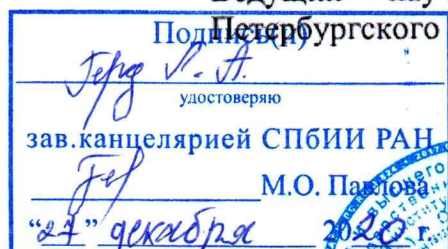
В разделах-«предысториях», как было сказано выше, порой ощущается недостаток библиографии. Примечания в сносках вообще дают богатые возможности не только продемонстрировать свое знакомство с деталями и литературой, но и доставить себе удовольствие, по примеру средневековых схолиастов, дискутировать с коллегами и предшественниками по сюжетам, которые примыкают к магистральной теме работы. В будущем представляется интересным на накопленном материале развить тему «священных» войн в Новое время и провести сопоставительное типологическое исследование с привлечением и критикой разных концепций на этот счет.

Отмеченные замечания носят рекомендательный характер и не снижают значения настоящего исследования и его положительной оценки. Автореферат и публикации соискателя достаточно полно отражают содержание диссертации. Основные положения и результаты

диссертационной работы изложены соискателем в 5 монографиях и 60 статьях, 16 из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК. Диссертация Мельниковой Л. В. «Русская Православная Церковь и войны Российской империи в XIX веке» соответствует Паспорту специальности 07.00.02—«Отечественная история», требованиям пп. 9-11, 13, 14 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842. Таким образом, соискатель Мельникова Любовь Владимировна заслуживает присуждения ученой степени доктора исторических наук по специальности 07.00.02-Отечественная история.

Официальный оппонент:

Доктор исторических наук,
Ведущий научный сотрудник отдела всеобщей истории Санкт-Петербургского института истории РАН

Герд Лора Александровна

24.12.2020

Контактные данные:

тел.: 7 (911) 8103971, e-mail: Loragerd@gmail.com

Специальность, по которой официальным оппонентом
защищена диссертация: 07.00.02 «Отечественная история»

Адрес места работы:

197110 г. Санкт-Петербург, ул. Петрозаводская, д. 7,
Санкт-Петербургский институт истории РАН, отдел всеобщей истории
Тел.: (812) 235 15 80 e-mail : info@spbiiiran.ru

<http://www.spbiiran.nw.ru/>